

...Случится тебе, читатель, вдруг заскучать под бременем будней и обидеться на сермяжность жизни, обрядившей тебя в униформу толпы, - помяни тех, кто ходил по одной с тобой земле, укрывался одним небом, но при этом скручивал собственную судьбу в бараний рог и услаждал себя необыкновенными приключениями, читая о которых, ты не можешь заснуть. Вспомни авантюристов и скитальцев, рыцарей Греха, в котором было больше веселья и отваги, чем подлости и корысти, а стало быть, за который, быть может, и не будет высшей меры на Страшном суде. Помяни меж других и раба Божьего Джованни Джакомо и Джироламо Казанову, ибо он того заслужил, помимо всего прочего, великими трудами и великой скорбью последних малоизвестных миру лет. О них, собственно, и пойдет речь.

Он обольщал прелестниц сотнями...

Коссе е. преевса. - 1996. - 27 марта. - с. 6

На старости лет женщины любили Казанову по почте

Хроника последних дней великого сластолюбца

Итак, оставим то, что более или менее известно о величайшем проходимце всех времен и народов, хотя известны по большей части выдумки (сколько завистников? а сколько невежд!). Оставим бесконечные дуэли темпераментного итальянца, его любовные интриги с первыми дамами Европы, шпионажи в пользу неизвестно кого, бесчисленные долги и романтические побеги из тюрем. Оставим тех, с кем он общался, приятельствовал, возле кого интриговал - короля Людовика и Марию-Антуанетту, Фридриха Великого и Екатерину II, Бенджамина Франклина и мадам де Помпадур, Моцарта и леди Гамильтон, Вольтера и Марию-Терезию. Достаточно сказать, что в услужении у него наемным писарем трудился сам Жан-Жак Руссо.

Казанова умудрился увидеть и пережить столько, что, когда он описал все в воспоминаниях, историки заметили: случись пропасть всем иным документам о XVIII столетии - хватило бы одних лишь записок Казановы!

...В один прекрасный день он устал. То ли барабан его судьбы был слишком громко, то ли почувствовал, что стареет для предначертанной ему роли, то ли спектакль его жизни перестал занимать его самого, но он утратил вкус к игре: авантюрист - тяжелая профессия! На ту пору ему стукнуло 60. Пора было уходить на пенсию. И Казанова задумал либо уйти в монастырь, либо переквалифицироваться в библиотекаря. Великий греховодник осадил коня и свернул с широких столичных проспектов на провинциальную колею - в Чехию, в Богом забытый Духцов (Дукэ). Началось время печалей.

Собственно говоря, ехал он вовсе и не в Духцов, а мимо, в Берлин, искать место книжного червя в тамошней академии. Однако случилось ему по дороге споткнуться о старого знакомого, молодого графа Вальдштейна, гуляку и лошадиного, входившего, как и приятель его Казанова, в масонское братство. И вот уже блистательный итальянец трუსит в черт знает какую дыру, где ему, помимо должности библиотекаря, обещаны стол, кров, казенная мебель, отхожее место в коридоре на двоих с соседом, тысяча австрийских золотых в год и покровительство графа.

Кто захочет составить представление о том, чем был в ту пору Духцов с его 149 домами и 900 жителями, - пусть вспомнит хотя бы гоголевский Миргород. Только что без ярмарки, но с лужей. В нем и по сей день не отыщешь ни приличного трактира, ни гостиницы, да и увидеть его

на карте мира удастся разве что под микроскопом.

Духцовское бытие Казанову ужаснуло. В одном из писем, датированном 13 декабря 1793 года, он написал: "Я в Духцове, но не я это себе выбрал. Бог меня к этому отсудил". В другом он замечает, что и в дурном сне ему не могло присниться, что кости его распадутся в прах в захолустье.

Несчастный Казанова в Духцове все время мерзнет. По городу он ходит небритым, в тяжелой шубе и бараньей шапке. И люди смеются над ним, дразня его дрессированной обезьяной. Никто не понимает его чудного итальянского языка, как не понимают и французского. А по-немецки он знает плохо. И за это над ним смеются еще пуще. Особенно мучат его графские слуги и злодей-управляющий, ревнующий Казанову к графу и к высокому жалованью. Издевательствам нет конца. То из-за напыльва гостей его сажают за маленький стол, то не достается ему за обедом клубники, то конюх подал плохую лошадь... Не проходит дня, чтобы на потеху челяди Казанова не устраивал скандала. В один прекрасный день из только что вышедшей его книги исчезает страница с его портретом. Казанова польщен. Он полагает, что его изображение украл некий поклонник его таланта. И обнаруживает свой портрет в туалете. На городской улице с него срывают парик. По дороге из трактира его избивают, как собаку. Гнусные люди, глупое стадо муравьев! Блестящий дуэлянт, двухметровый гигант - он одряхлел и не может вызвать обидчиков на поединок. Вот оно, исчерпывающее доказательство того, что кредо всей его жизни - не думать о будущем, не копить, не рассчитывать, срывать цветы удовольствия сегодня, ничего не оставляя на потом, - бравада! Жалкая старость на крашке графского стола - вот итог!

Казанову начинают посещать мысли о самоубийстве: "Кто не может жить хорошо - пусть не живет плохо".

На счастье, по мере того, как остывает страсть к женщинам, вспыхивает другая - к литературе. Наконец-то Казанова становится рациональным. Впрочем, это я беру слишком высокую ноту. Казанова же сказал проще: он взялся за перо, дабы не сойти с ума или не умереть от горя и обид.

В 1787-м, на третий год его "духовской осени", закончена "История моего побега" - головокружительное повествование о том, как Казанова выбрался из знаменитой венецианской тюрь-

мы, именуемой "Свинцовыми камерами", из которой до него не сумел сбежать ни один узник. Не удовлетворившись "Побегом", Казанова сочиняет утопический роман "Иксамерон", где, уподобившись Кампанелле и Мору, рисует светлое будущее человечества. Но человечеству неинтересно его будущее. Оно не покупает скучный роман, в издание которого Казанова вложил два своих годовых жалованья! Писатель разорен, он снова, как и в лучшие свои годы, в долгах, он вынужден, экономя на еде, столоваться за графский счет! Только теперь разорили его не женщины, и он уже не может вернуть долги, раздобыв деньги блестящим мошенничеством.

Впрочем, не стоит наивно доверять старому проходимцу, наделенному талантом дурачить в такой же мере, как и соблазнять. Большинство из своих любовных походов, описанных в полупорнографической "Истории моей жизни", он попросту выдумал! Многочисленные биографы доказали это.

Зачем же Казанова возводил на себя напраслину, прикидываясь большим циником и развратником, нежели был на самом деле? Ответ - вот: "Моя история будет удивительной школой морали, ибо читатели в ней будут видеть лишь сатиру, направленную против меня самого!"

А что же женщины в Духцове? Был ли десерт в скудном меню этого 13-летнего заточения? Известно, что Казанова переписывался с некоей Франческой Бучиони, венецианской белошвейкой, и даже кое-что посылал ей в смысле материальной помощи. Однако если это и было романом, то всего лишь почтовым. Поддерживал связь Казанова и с давней своей венской приятельницей Катон М., но их отношения на описываемый период перешли уже в ту плачевную фазу, когда падкая до мужского пола Катон смачно описывала ему, как подружке, свои собственные похождения. Была, наконец, и скандальная история с дочерью привратника духовского замка, девицей по имени Дорота, которую Казанова галантно вывозил на прогулки, умиляясь ее невинностью. Однако в один прекрасный день простодушная Доротка "понесла", и духовцы вперили свой карающий перст в несчастного "итала". Но недаром же говорил Казанова: "Я всегда отдавал предпочтение чести перед жизнью". Он и в присутствии городского священника заявил так: если Доротка назовет отцом ребенка меня - женюсь (!). Если будет молчать - накажу! Доротка указала на дворцового художника.

Последним, что связало Казанову с женщинами, был суп. Умиравшему, не способному принимать пищу из-за боли в горле, его привозила в кастрюльке из соседних Теплиц давняя приятельница Казановы писательница Эльза фон Ренке. От нее же он получил последнее в своей жизни женское письмо.

Умирал Казанова мучительно и долго. Есть три версии причин его смерти: рак горла, рак простаты и... сифилис. Фактически же он умер от голода. Из-за того, что не мог есть. По моде тех времен умирающего Казанову перенесли в кресло. Я видела это кресло. Побледневшее от времени, оно стоит у открытого окна его комнаты - единственная подлинная вещь, сохранившаяся от Казановы в духовском замке. Говорят, в недалеком прошлом над креслом была приколочена табличка: "Не трогать! Сифилис!" Скорее же это анекдот.

Последними словами Казановы, обращенными к Всевышнему, были: "Великий Боже и вы, свидетели моей смерти, я жил как философ, а умираю как христианин!"

Единственным завещанием, которое оставил после себя великий итальянец, была нижайшая просьба к графу Вальдштейну заплатить издателю его долги, что великодушный граф и сделал. Мало того, он пышно похоронил своего друга-библиотекаря, сделал ему приличествующее надгробие и согнав на похороны полгорода. Казанова не забыл графских шедрот. Он оплатил ничем не примечательному Йозефу Карелу Вальдштейну тем, что навеки зарезервировал ему место в своей бессмертной истории.

Ее концовка, как и следовало ожидать, мистическая. Гроб Казановы с церковного кладбища исчез. Место захоронения бесследно потеряно. Примерно то же самое произошло, впрочем, и с его знакомцем Моцартом, для чьего "Дон Жуана" он написал когда-то свою версию либретто, из которой - не исключают историки! - Моцарт кое-что и взял...

Рукописи его воспоминаний, оставшиеся в замке без присмотра, увез в Германию дрезденский племянник Казановы, не ведая, как и остальные, какое в его руках находится сокровище. Итальянец же отправился в свое небесное путешествие, как всегда, налегке. Finita la comedia.

Ольга ДМИТРИЕВА.
(Наш соб. корр.)

Прага.